

Нац. ун-т «Одеська юридична академія». – Вип. 3, спец. вип., присвячений 200-річчю від дня народження Т. Г. Шевченка. – Одеса : «Гельветика», 2014. – С. 110–117.

4. Ковалевська Т. Ю. Комунікативні аспекти нейролінгвістичного програмування : монографія / Т. Ю. Ковалевська. – Одеса : Астропринт, 2001. – 344 с.

5. Кутуза Н. В. Рекламний та PR-дискурс: аспекти впливу : зб. статей / В. Кутуза. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2015. – 228 с.

6. Леонтьев А. А. Психолінгвістика / А. А. Леонтьев. – Л. : Наука, 1967. – 118 с.

7. О'Коннор Дж. Введение в НЛП / Дж. О'Коннор, Дж. Сеймор. – Челябинск : Версия, 1997. – 256 с.

8. Психологический словарь / [под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др.]. – М. : Педагогика, 1983. – 448 с.

9. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К., 2006. – 716 с.

10. Сугестивні технології маніпулятивного впливу : навч. посіб. / В. М. Петрик, М. М. Присяжнюк, Л. Ф. Компанцева, та ін. ; за заг. ред. Є. Д. Скулиша. – 2-ге вид. – К : ВПОЛ, 2011. – 248 с.

11. Удріс Н. С. Особливості сприйняття статичної реклами представниками різних сфер зайнятості / Н. С. Удріс // Грані. – № 5 (19). – 2001. – С. 169–173.

Алла Грек

ВАРИАТИВНОСТЬ ИМЕНОВАНИЯ ГЕРОЕВ В НЕОФИЦИАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ ОБЩЕНИЯ В РОМАНЕ М.ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Творчество Михаила Александровича Шолохова в именовании героев можно считать уникальным, поскольку антропонимный мир персонажей «Тихого Дона» всесторонне раскрывает реальную действительность, воссозданную воображением писателя. «Степень насыщенности художественного текста и всего творчества писателя именами собственными может быть самой различной: от нуля и до несколько тысяч единиц. Все имена собственные, вместе взятые, составляют так называемое ономастическое пространство, или ономастикон текста, которое делится на несколько полей – по тематическим разрядам ИС и другим признакам. Сам ономастикон текста, его состав, отбор и взаимодействие ИС с контекстом определяется законом жанра и художественного метода писателя, родом и видом литературного произведения и законами его построения в поэзии, прозе и драме, соответствием сюжетно-тематическому содержанию текста, эстетической нагрузкой имени в ближайшем и широком контексте и многими индивидуально-неповторимыми творческими особенностями стиля писателя в целом» [9, 38–39]. Благодаря этому у М. А. Шолохова в «Тихом Доне» создается и живет в текстах свой уникальный ономастический мир, выражающий художественные идеи писателя наряду с другими средствами языкового стиля.

Наша цель заключается в исследовании вариативности номинаций персонажей в тексте романа «Тихий Дон».

Имена собственные персонажей художественного произведения (литературные антропонимы) являются «неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ» [1, 4]. Русская антропонимная формула исторически сложилась в виде трехчленного словосочетания: имя + отчество + фамилия. Она выполняет функцию социальную: определяет имя данного человека в кругу имен других граждан. Каждый из трех

компонентов личного имени имеет свою специфическую роль, свою сферу бытования: имя служит для различения лиц в семье или в узком кругу, в малом коллективе знакомых людей; отчество выражает отношение детей к отцу, определяет человека по его ближайшему родству; фамилия отличает членов данной семьи (рода) от членов другой семьи (рода). Таким образом, современное трехчленное антропонимное словосочетание – это языковой знак, которым осуществляется в обществе и государстве максимум индивидуализации и идентификации одного отдельного лица. Система традиционного, реального русского именованности нашла свое воплощение в произведении Шолохова.

Официальное именование часто не совпадало с реально звучащим именованием человека или семьи в живой речи. Так произошло расщепление именованности русских людей на официальное и неофициальное (уличное, деревенское).

Неофициальные именованности бывают индивидуальными и групповыми (семейными, родовыми). Среди именованностей для внутрисемейных отношений различают: патронимы (именования потомков, образованные от имен, фамилий или прозвищ отцов или более далеких предков по мужской линии); матронимы (именования потомков, образованные от имен, фамилий или прозвищ матерей или более далеких предков по женской линии); а также андронимы (именования жен, образованные от имён, фамилий или прозвищ мужей), гинонимы (именования мужей, образованные от имен, фамилий или прозвищ жен), адельфонимы (именования братьев и сестер) и др.

В неофициальном именовании Шолохов использует чаще всего односоставное именование по «*имени*» или по «*фамилии*», а также двухкомпонентное именование «*имя+фамилия*», в зависимости от адресанта и адресата, от ситуации, в которой находятся герои, и от того, где они находятся.

Односоставная модель распространена в именовании казаков, женщин в хуторе и военных. Наиболее употребляемая модель именованности при обращении друг к другу - «по имени». Стилистическая окраска имени - это непременно составная часть его речевой информации. В отличие от энциклопедической информации, представляющей собой сведения о денотате имени собственного, речевая информация устанавливает связь имени собственного с его носителем, социальное поле денотата и его имени, выявляет его отношение к именуемому.

В романе использованы разные формы имён.

Гипокористические (уменьшительные, краткая форма): *Миша, Козьма* (происходит изменение в звуковом составе слов, т. е. изменение фонетического облика слова, вместо *Кузьма*), *Григорь, Петя, Петро, Аня*. Использование краткой формы имени при обращении для удобства и быстроты произношения, нередко встречаемое в романе. Характерно такое использование имени для всех слоёв общества, кроме интеллигенции, дворянства и военных высшей категории. Например: — *Козьма, конные идут! Встань-ка!*; — *Сходи, Миша, к Астаховым. Перекажи Аксинье, чтоб, как завечерет, вышла к ветряку...*

Нейтральные: *Митрий, Алексей, Мирон (Коршунов), Михаил, Федот, Томилин, Антип, Емельян, Вениамин, Зыков, Анна, Игнат, Яков (Подкова), Христоня (Токин), Аникей*. В произведении чаще всего использована такая форма имени. Основная полная форма русского имени существует, как правило, и воспринимается как нейтральная (*Григорий, Степан, Анна, Алексей*). Все другие формы оказываются стилистически четко отмеченными — простонародными (*Митрий, Прохор, Михей, Авдотья, Аксинья: – Молчи, Авдотья!*), устарелыми (*Афанасий, Матвей: – Кто это такой? Слышишь, Афанасий?*). *Катерина,*

Лизавета – образованы от полных имён *Екатерина* и *Елизавета*. Специфическая утеря первой буквы *Е* в основе, является простонародной. Это стяжение слова для удобства произношения, которое часто вело за собой фонетические изменения: – *Выходи за меня замуж, Лизавета, а?*; – *Выйди отседова, Катерина!* – *И, садясь на лавку, сухо спросил.*

Среди качественных (субъективно-оценочных) выделяются:

Пейоративы, имеющие пренебрежительный и нейтральный характер, использованные в обиходной, бытовой среде, образованные при помощи суффиксов *-к-*, *-яш-*, *-юшк-*, *-ушк-*: *Машка, Лизка, Дашка, Гришка, Алёшка (Шамиль), Мишка (Кошевой), Федотка, Сашка, Машутка, Давыдка; Митюшка, Аникушка, Васёнка, Петяша, Михейко: – Дуняшку пошли за водой, слышь, Дашка? — с трудом передвигая по кухне ноги, хрипела Ильинична; – Митюшка! Митька!.. Эко, поганец, Митька!*

Выбор деминутивной формы имени зависит от полноты чувства, испытываемого говорящим по отношению к именуемому. Учитывая разнообразие основ, обусловленное множеством кратких форм и суффиксов, уменьшительные и ласкательные имена позволяют выразить в речи широкий спектр эмоциональных красок. Например: *Аникей*, сосед *Мелеховых*, доведившийся *Григорию* троюродным братом. Называют его в 80 % случаев как **Аникушка** с нейтральным значением. Даже в военной среде, когда перечислялись казаки-офицеры, именование оставалось таким же: *Трех казаков – Аникушку, Мартина Шамиля и Прохора Зыкова – Григорий послал к хутору; – Они гуляли у Аникушки...* Уменьшительные имена, образованные при помощи суффикса *-к-*, несут в себе оттенок пренебрежения, умаления достоинства именуемого (*Гришка, Лизка, Дашка* и т. п.). Исторически это связано с существовавшей традицией использовать полуимена (которые как раз образовывались с помощью суффикса *-к-*) для самоуничижения при обращении к лицу из привилегированного сословия. Однако среди простого народа при общении равных по социальному положению людей эта форма имён, как правило, не имела такого оттенка, свидетельствуя лишь о простоте обращения и очевидной близости для донского народа. В хуторе характерно использование такой формы имени. Была она настолько привычна, что иногда употреблялась нейтрально. Например: – **Федотка** калмык вернулся из *Кумылженской*, конь у него загубился...; – *Машиник, весовщик, вальцовщик Давыдка* и кое-кто из наших казаков учащает...

Уменьшительно-ласкательные имена образованы с помощью суффиксов *-юшк-*, *-утк-*, *-ушк-* (*-еншк-*), *-атк-* (по отношению к детям): *Кирюшка, Мишатка. Натальюшка, Петюшка, Машутка, Гришунька* и *Гришенька*: – **Натальюшка!** Здорово, милая, здорово! — засуетился *Пантелей Прокофьевич*...; – *Подика* ко мне, **Мишатка**. Ну чего ж ты — не угадаешь меня? Употребление уменьшительных и ласкательных форм, как правило, возможно в ограниченном домашнем кругу ближайших родственников или между людьми, у которых установилась близкая взаимная привязанность. Такие имена нередко употребляются родителями по отношению к своим детям.

У многих второстепенных персонажей мы не знаем фамилии: вальцовщик *Тимофей*, *Давыдка*, дед *Сашка*, лакей *Вениамин*, *Аникей (Аникушка)*, *Афанасий (Афонька)*, *Михей*, тамбовец *Игнат*. Это показывает их незначительность в произведении.

В неофициальной форме речи при наименовании героя **Митрия Кошевого** чаще всего к нему обращались «*Митька, Митрий*»:

– Ты, **Митрий**, останешься; – **Митька** мому **Микишке** расписывал: «*Дескать, сватать буду*».

Также использована при обращении девушки к герою краткая форма имени *Митя*: – *А почему же, Митя, вас не женят?* Дедушка называл его *Мирон*: – *Тот приковылял к сыну, цокая костылем по полу. – Мирон!*». А при представлении *Лизе* он назвал свою фамилию: – *Рыбалить пойдешь? Это я, Кориунов.*

Когда Кошевой вошёл в карательный отряд войскового старшины *Прянишников*, сначала его называли по фамилии: *Прянишников, пожимая плечами, говорил: «Нет, господа, как хотите, а Кориунова превзойти невозможно! Дракон, а не человек!»*. Но когда он начал преуспевать в селе, то обращались к нему так: *Митрий Мироныч, Митрий Кошевой, Митрий*. Когда начали его побаиваться: – *Митька Кориунов, после казни Подтелкова спешно произведенный генералом Алферовым в старшие урядники, «– Нет, батенька, это не об Грише весть. Митрий Кошевых побил»*.

Однокомпонентная модель по «фамилии» использована чаще всего в военных кругах, между казаками. Некоторым второстепенным героям М. А. Шолохов даже не даёт имени: *Геворкянц, Георгидзе, Борцев, Волков, Круговоров, Атарщиков, Чубов, Абрамасов*.

Для словообразования донских фамилий, как указано в исследованиях Л. М. Щетинина, характерна узость круга аффиксов, который значительно меньше общерусского и ограничивается суффиксами **-ов, -ев, -ин**. Фамилии на **-ый, -ий, -ой** встречаются редко. Образования на **-ово, -его, -аго, -ых, -их** в донских материалах практически не встречаются. Фамилии на **-ский, -цкий** нередко имеют синхронные диалектные дублиеты на **-сков, -цков**: *Дубовский – Дубовсков, Бузулуцкий – Бузулуцков*. Однако дублиеты имеются не у всех фамилий [11]. В романе «Тихий Дон» эта закономерность также прослеживается. Больше всего фамилий с суффиксами **-ов, -ев, -ин**: *Мелехов, Кориунов, Токин, Томилин, Синилин, Борцев, Волков, Громов, Грошев, Иванков, Изварин, Кашулин, Копылов, Королёв, Лиховидов, Озеров, Кючков, Чубов, Тернисцев, Меркулов, Атарщиков, Круговоров, Зыков, Урюпин, Мохов, Боярышкин, Атепин, Корнилов, Лагутин, Подтёлков, Кривошлыков, Голубов, Каледин, Фомин, Краснов, Болдырёв* и т. д. Имеется фамилия *Кошевой*, в которой за суффиксом **-ев-** следует не нулевое окончание, как в перечисленных выше фамилиях, а окончание прилагательного с ударным гласным: **-ой**. Есть в романе фамилия с суффиксом **-ий**: *Харламтий*. Редко встречаем фамилии на **-ский, -цкий**: без дублиетов (*Врубленский, Листницкий*) и с дублиетами на **-сков, -цков**: *Бодовсков, Маньцков*.

Уважительное **обращение по «имени-отчеству»** привычно для донского казачества, что связано и с общерусскими, и с местными традициями. Таким образом называют героев независимо от возраста, когда подчеркивают уважительное к ним отношение. Но поскольку среди казаков существует совершенно особое почитание стариков (они играли главную роль на станичном сходе), по имени-отчеству чаще всего названы немолодые уважаемые персонажи. Этот же принцип именования находим и в «Тихом Доне», когда отцы главных героев на протяжении всего повествования именуется чаще всего по имени-отчеству – *Пантелей Прокофьевич* (Мелехов): – *Долго зорюешь, Пантелей Прокофьич!* – шумели припотевшие косари; *Николай Алексеевич* (Листницкий), *Мирон Григорьевич* (Кориунов), *Митрий Мироныч*.

Кроме именования по имени-отчеству, существует именование **только по отчеству**. Эта русская языковая традиция была жива среди донских казаков в начале XX в., ее и отразил М. А. Шолохов: – *Зайди-ка, Прокофьевич. Он жал старику руку своей мясистой белой рукой, говорил: (Сергей Платонович, богаче его, и так же поп называл его); – Ну, что*

оно будет, **Прокофич**? Гутарют, расстрелы начались. Какая ж это жизнь? – по одному отчеству именуется многие старики, также и **Пантелей Прокофьевич**.

Антропонимная модель: «дядя (дед) – эти родственные слова приближали обращающегося человека к герою + «личное имя»» представлена в обращении к **Пантелею Прокофьевичу**: *Дядя **Пантелей**! – позвала Аксинья [10, I, 56]; – Тебе бы так вложили, дед **Пантелей**, небось, другим бы голосом воспел!*

В произведении автор также показывает и насмешливое обращение детей к **Пантелею Прокофьевичу** по фамилии: *Нет, **Пантелей Мелехов** ещё никогда не был посмешищем для людей, а вот тут пришлось: минуту назад он сам слышал, как за его спиной хихикали ребяташки, а один чертенок даже крикнул во всю глотку: Ребята! Гля, как хромой **Мелехов** наклонился. Будто ерша проглотил!*

Шолохов в романе довольно часто использует **прозвища** как средство создания колоритных реалистических образов, потому что они по своей природе обладают большой экспрессивностью, являясь результатом наблюдательности русского народа, метко подмечающего самые характерные черты человека и закрепляющего их в этом дополнительном имени. Тип прозвищ как явление социальное связан со средой, в которой они возникают [2, 31].

Поводом для создания **прозвища** может служить внешний вид человека. Например, с детства Григорий Мелехов всё делал левой рукой, за что его «хуторные... ребяташки сверстники прозвали ...**Гришка-левиша**» [2, 32]. *Алексей Урюпин: «Один из них, казак станицы Казанской, **Алексей Урюпин** попал в один взвод с Григорием. Был **Урюпин** высок, сутуловат, с выдающейся нижней челюстью и **калмыцкими косицами усов**; весёлые, бесстрашные глаза его вечно смеялись; несмотря на возраст, светил он лысиной, лишь **по бокам оголенного шишикасто-выпуклого черепа кустились редкие русые волосы**. С первого же дня дали казаки ему **прозвище Чубатый**». Козьма Крючковый «усть-хопёрцем **Козьмой Крючковым**. **Мордатый, широкий в плечах Иванков молчал, Крючков, по прозвищу «Верблюд», чуть рябоватый, сутулый казак, придирался к Митьке.**»*

Особенность родословной семьи **Мелеховых** лежит в основе их семейного прозвища **Турки**. Но оказывается, что в романе оно реализуется лишь по отношению к **Пантелею Мелехову** и **Григорию**: *Чей же паренек-то? **Пантелея Мелехова**. - **Турка**, что ли? Им пользовались в обиходе довольно часто, заменяя даже фамилию: **Климовна! Надбеги, скажи **Пантелею-турку**, что ихние ребята возле Татарского кургана вилами попоролись**. Это прозвище от отца унаследовал младший сын, **Григорий**, который был на него похож.*

Таким образом, можно говорить в данном случае об изменении основы для образования прозвища в разные периоды жизни семьи **Мелеховых**: в первом поколении в основе прозвища лежит родословная, во втором - внешнее сходство отца и одного из сыновей [2, 33]. Прозвище может даваться на основе национальности, если ты находишься в другой стране, например: *Сдруживишись с **Гетьком** (так сокращенно звали **Геть-Бабу**)... Один из них, высокий – с колодезный журавль – богучарский **украинец с диковинной фамилией Геть-Баба**.*

– *Хохол-мазница, давай с тобой дразниться! **Хохол!.. Хохол!.. Дегтярник!..** – верещала детвора, прыгая вокруг мешочных широких шаровар **Гетька**.*

Есть в романе персонажи, у которых мы не можем определить происхождение прозвищ: «**весовщик, по прозвищу **Валет****». Знаем его только по прозвищу, которое никак не варьируется, «...на службу пошёл **Синилиным**, а вернулся... **Брехом**».

Таким образом, Шолохов наделяет прозвищами персонажей по характеру, по внешнему виду, по национальности, прозвища, которые унаследованы от отца и даже по неизвестной нам причине, показывая уникальность подборки однокомпонентной формы именования.

Исследователи отмечали, что употребление отчества в номинативной функции было распространено в крестьянской среде и в среде слуг (дворовых). Такой способ именования стал выполнять функцию возрастной дифференциации. Например, Мать *Григория Мелехова* и мать *Натальи Коршуновой* именуется в тексте «Тихого Дона» только по отчеству. Личное имя первой нам известно из письма к *Григорию*. Как глава семьи *Пантелей Мелехов* всех домашних в письме называет по имени-отчеству, в том числе и жену: *Шлём мы тебе нижайший поклон и от всего родительского сердца, с матерью твоей Василисой Ильиничной*. Но на протяжении всего романа М. А. Шолохов именуется их исключительно по отчеству: *Здорово, тётка Ильинична! Не ждала?* [10, II, 657]. Однако оно не является выражением пренебрежения к героиням; напротив, их все уважают, и такое именование подчёркивает их связь с родом и роль в обществе. Здесь реализуется особенность этикета в крестьянской среде и активизируется древнейшая форма именования женщины – по имени отца (или мужа).

При номинации М. А. Шолохов наделяет персонажей из среды дворянства, купечества, интеллигенции сочетанием личного имени и отчества (или фамилии). У некоторых называет прозвище. Трёхсловным сочетанием антропонимов (личное имя + полное отчество + фамилия) в романе именуется аристократы: (*– Знаешь, где имение Листницкого Николая Алексеевича?*), богатые купцы (Компаньон его, <...>, *Емельян Константинович Атепин*, заходил редко).

Следовательно, одной из важных особенностей выбора неофициальной формы номинации является отношение к именуемому автором или другим персонажем, коммуникативная ситуация, возрастные и социальные критерии именования. Выражение эмоциональной оценки является важнейшей функцией неофициальных именовании лица. «Коннотация данных именовании представляет собой весьма сложный макрокомпонент семантики экспрессивно окрашенного характера, который наделяет неофициальные именовании способностью характеризовать объект в соответствии с тем или иным оценочным модусом и выражать отношение говорящего к обозначаемому в эмотивном регистре» [6]. Использование традиционных формул способствует реалистическому и типическому изображению литературных героев.

Список использованной литературы

1. Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе : Филологические этюды / М. В. Горбаневский. – М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. – 187 с.
2. Громова В. В. Актуализация антропонимов в художественном тексте / В. В. Громова // Русский язык : исторические судьбы и современность. – М., 2004. – С. 591–592.
3. Громова В. В. Фамилии в романе М. Шолохова «Тихий Дон» / В. В. Громова // – Русская речь. – М., 1977. – № 1. – С. 25–29.
4. Данилова Н. В. Проблемы мотивации семантизации антропонимов в романе-эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» / Н. В. Данилова // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. – 2005. – № 3. – С. 7–10.

5. Данилова Н. В. Социальный портрет донского казачества в свете формул именования персонажей романа М. Шолохова «Тихий Дон» / Н. В. Данилова // Шолоховские чтения : сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. Г. Круглов. – М., 2005. – 20 с.
6. Москаленко Е. А. прагматическая специфика неофициальных номинаций лица: [электронный вариант] / Е. А. Москаленко – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskaya-spetsifika-neofitsialnyh-nominatsiy-litsa>
7. Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ / А. М. Селищев // Избранное. – М. : Просвещение, 1968. – С. 45–89.
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 365 с.
9. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонякова. – Л. : ЛГУ, 1990. – 104 с.
10. Шолохов М. А. Тихий Дон : роман / М. А. Шолохов. – Харьков : Глобус, 2013. – Т. 1–2.
11. Щетинин Л. М. Русские имена : (очерки по донской антропонимике) / Л. М. Щетинин. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1972. – 228 с.

Надежда Джогера

СИСТЕМА НАРЕЧИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ КАНОНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Наречие в историческом развитии является любопытной частью речи. Его формирование началось еще в дописьменную эпоху и продолжается на всем протяжении истории русского языка.

В современном языке класс наречий непрерывно пополняется, так как продолжается их постоянное образование на базе других частей речи. Этот процесс – адвербиализация – один из важнейших в сфере взаимоперехода частей речи. Характерной чертой наречия является то, что оно на протяжении всей истории языка выступает как одна из самых живых, подвижных и наиболее продуктивных частей речи, непрерывно пополняющаяся новыми образованиями.

Наречия возникали как средство выражения обстоятельственной характеристики действия или состояния. Они формировались в языке в связи с развитием абстрактного мышления и языкового выражения отвлеченных грамматических значений времени, пространства, способа, степени или меры.

В нашей работе исследуются наречия, используемые в тексте Архангельского Евангелия 1092 г.¹, – одного из древнейших канонических памятников. Самой большой группой наречий, употреблённых в тексте, являются адвербиализированные существительные. Об этой группе мы писали ранее [2, с. 31–36]. В предлагаемой статье мы рассмотрим другие группы наречий.

1. Наречия, образованные от числительных.

Образовано с помощью числительного в И.п. ед. числа.

Испърва, испръва – сначала, сперва; изначала.

¹ Далее мы используем принятое сокращение АЕ.